БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Петровская копия Радзивиловской летописи
как памятник редакторской и издательской деятельности середины XVIII века

Составитель Е. А. Савельева

Санкт-Петербург

2011

ББК 63.3(0)52 в7

П30

Ответственный редактор докт. пед. наук В. П. Леонов

Составитель канд. ист. наук Е. А. Савельева

Петровская копия Радзивиловской летописи как памятник редакторской и издательской деятельности середины XVIII века: научное исследование / отв. ред. В.П. Леонов; подгот. текста, вступ. ст., прим. Е.А. Савельева. – СПб.: Альфарет, 2011. – 330, [2] с., [28] л. – (Серия: Мемориальный проект).

В данном издании представлено научное исследование помет, оставленных в Петровской копии Радзивиловской летописи (1713–1716 гг.) М. В. Ломоносовым, И. С. Барковым и, видимо, И.И. Таубертом, заведовавшим второй Академической типографией, в которой печатался первый в истории Русского государства один из древнейших летописных текстов конца XV в. В связи с этим текст был разделен полистно на два столбца, из которых первый представляет собой летописный текст с пометами об исправлениях и дополнениями, второй – содержит исправления, которые были внесены или потом отменены издателями. Особое внимание уделено пометам М. В. Ломоносова – они выделены в отдельное Приложение.

ISBN 5-336-00090-6

От составителя

В 2011 году исполняется 300 лет со дня рождения М. В. Ломоносова, великого русского ученого, изучение творческого пути которого началось со второй половины XVIII в. и продолжается до настоящего времени. Исследователи находят все новые материалы к характеристике творческой деятельности ученого-энциклопедиста, каким был Ломоносов. Особенно много свидетельств, раскрывающих его творческий потенциал, содержится в тех исторических памятниках, изучению которых посвятил себя Ломоносов.

Известно его пристрастие к комментированию текстов печатных и рукописных источников. На это указывают многочисленные пометы на книгах как его личной библиотеки, так и тех, которые хранились и в большей своей части дошли до наших дней в Библиотеке, которая при жизни Ломоносова именовалась Императорской Санктпетербургской библиотекой, или в обиходе Академической, а ныне – Библиотекой Академии наук. К материалам с исторической тематикой Ломоносов возвращался многократно. Это нашло свое отражение в примечаниях к работам, помещенным в Полное собрание сочинений, опубликованном в 1950–1952 годах. Исторические же труды великого ученого были сосредоточены в шестом томе и тщательно прокомментированы издателями.[1]

Г. Н. Моисеева изучила собрание древнерусских исторических документов Библиотеки Академии наук, которые хранились здесь при жизни ученого. В частности, она внимательно исследовала Петровскую копию Радзивиловской летописи.[2] Это касалось, прежде всего, сравнения текста летописи с другими русскими рукописными материалами, использованными Ломоносовым.

Публикация помет Петровской копии Радзивиловской летописи, памятника, которому ученый посвятил многие годы своей жизни, помогает решить вопрос о степени его участия в подготовке рукописи к изданию. Установлено, что большая часть правки для издания текста по Петровской копии сделана рукой И. С. Баркова. Однако не вызывает сомнения тот факт, что без руководства Ломоносова, без использования его знаний в области сравнительного источниковедения, необходимого в процессе подготовки рукописи к печати, Барков был просто не в состоянии выполнить подобную работу. Особенно сложна была та ее часть для копииста, каким был Барков в начале работы над летописью, для которой необходимо было привлечение других исторических материалов.

Это были многочисленные летописные материалы, хранящиеся как в Академической библиотеке, так и в других, в основном московских, собраниях. Осмысление и дополнение летописных текстов по рукописным книгам – Хронографам, Степенным, Родословным, в том числе «Истории Российской» В. Н. Татищева, поступившей от самого автора в русское отделение Петербургской библиотеки, и др. – входило в круг научных занятий Ломоносова. Об этом свидетельствуют многочисленные пометы, оставленные им в этих источниках.

Петровская копия Радзивиловской летописи имеет множество разнообразных помет, исправлений, дополнений и примечаний, сделанных как Ломоносовым, так и Барковым, возможно, и первым ее читателем В. Н. Татищевым, который получил рукопись из Библиотеки его величества от «господина гоф-интенданта Мошкова» по рекомендации генерал-фельдцейхместера Я. В. Брюса, интерес которого к проблемам русской истории хорошо известен. [3]

Сведение воедино всего комплекса помет и выделение из них собственноручных помет Ломоносова позволяет по-новому взглянуть на методы его работы над источником.

---

[1] *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950–1952. Т. 1–10.
[2] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.
[3] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. С. 144.

На основании проделанной им сверки различных русских и зарубежных материалов можно говорить о зарождении в русской историографии уже в середине XVIII в. исторической критики источника. Попытка найти решение проблем, близких современному источниковедению, несомненно, является заслугой таких русских историков, как В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов.

Изучение как текстовых, так и знаковых собственноручных помет Ломоносова позволяет ликвидировать значительный пробел в его творческом наследии. Это касается не только весьма выразительных ремарок Ломоносова, но и тех его помет, которые содержат ценную характеристику самого текста Петровской копии Радзивиловской летописи. Этот список упоминается во всех работах, посвященных оригиналу Радзивиловской летописи конца XV в., – древнейшего иллюстрированного исторического памятника. Она была издана фотомеханическим способом в черно-белом варианте, подготовленном А. А. Шахматовым,[4] позднее включена в Полное собрание русских летописей,[5] последним является подготовленное в Библиотеке Академии наук факсимильное издание с обстоятельными комментариями.[6]

Г. Н. Моисеева, изучая Петровскую копию Радзивиловской летописи, внимательно разобрала все текстовые карандашные исправления и дополнения и впервые доказала, что Ломоносов принимал непосредственное участие в подготовке первого в истории России издания летописного текста.[7] Однако не со всеми ее положениями можно согласиться.

Выявление всех многочисленных помет позволяет определить неоценимую роль М. В. Ломоносова в подготовке ее к печати, а также его лингвистические познания. Чтобы показать все разнообразие помет в летописи, текст настоящего издания печатается не в традиционной форме – он располагается в два столбца. В левом полистно приводится текст летописи, в котором разным цветом, согласно оригиналу, отмечаются как отдельные слова, так и целые предложения, содержащие указания на исправления и уточнения. Отмечены также и те отрывки текста летописи, которые были исключены из подготовленного к 1767 г. первого тома «Библиотеки российской истории», содержащего исправленный и дополненный текст Петровской копии Радзивиловской летописи.[8] В правом столбце воспроизводятся исправления, дополнения и примечания, сделанные редакторами в ходе работы над рукописью также разным цветом, согласующимся со всеми пометками, находящимися в левом столбце.

Такой способ публикации позволяет наглядно показать работу редактора и издателя по подготовке рукописи к печати во второй половине XVIII в., а также выделить материалы для словаря русского языка, которым в течение долгого времени занимался Ломоносов. В определении важности этой летописи для изучения древнерусского языка приоритет, без всякого сомнения, принадлежит М. В. Ломоносову. Его отметки текста различными способами были изучены Г. Н. Моисеевой при работе над ее монографией[9]. К сожалению, она не связала работу над летописью Ломоносова с проблемами изучения им русского языка.

Профессор химии санктпетербургской императорской Академии наук Михаил Васильевич Ломоносов в своих научных занятиях был последователем не столько своих современников ученых-эрудитов, сколько западноевропейских энциклопедистов

---

[4] Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись: Издание ОЛДП. № CXVIII. 1902. Вып. I. (Фотомеханическое воспроизведение рукописи). Вып. II. (Статьи о тексте и миниатюрах летописи). С. 10.

[5] Радзивиловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л.: «Наука», 1989.

[6] Радзивиловская летопись. Т. 1. Факсимильное издание: Т. 2. Статьи и комментарии. Л., 1994.

[7] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература.

[8] Библиотека историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. СПб., Акад. наук, 1767. Вып. I. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 г.

[9] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература.

минувших веков. Наряду с точными науками его привлекали, прежде всего, филология, история и география, в изучении и объяснении которых он видел блестящую перспективу для развития гуманитарных наук в России. Первым опытом обращения к русской словесности явились его стихотворные сочинения, среди которых преобладали торжественные оды «по случаю», самая ранняя из которых на взятие Хотина была написана в 1739 г., еще в бытность его студентом в Германии. Она сразу же поставила его в один ряд с признанными российскими стихотворцами В. К. Тредиаковским и А. П. Сумароковым.[10]

Ломоносов, получив научное образование в университетах Марбурга и Фрейбурга, оставался русским патриотом, стремившимся поставить свои труды на службу России. Видимо, поэтому проблемы, связанные с русским литературным языком, с русской историей и географией, заняли настолько серьезное место в его жизни, особенно в последний период, что он вынужден был отказаться от разысканий в области химии, предпочтя ей науки гуманитарные, которые в то время ценились менее, чем науки прикладные.

Однако и в самом начале своей карьеры в Академии наук Ломоносов много занимался проблемами русского языка. Свидетельством его пристального внимания к этой теме служит хранящееся в Архиве Академии наук сочинение В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий».[11] Книга была куплена Ломоносовым 29 января 1736 г., перед отъездом в Германию, т.е. почти сразу же по прибытии из Москвы в Петербург.[12] Эта книга стала объектом его тщательного изучения, о чем говорят многочисленные пометы, содержащие возражения, замечания и критику лингвистической теории Тредиаковского. Видимо, неприятие его лингвистических теорий и, соответственно, столь подробное комментирование книги и заставило Ломоносова обратиться к проблемам русского языка и написать позднее свою «Российскую грамматику».[13]

Столь же тщательно Ломоносов изучил книгу И. Х. Готшеда «Опыт критической поэтики для немцев»,[14] на основании которой в 1739 г. он написал заметку «Письма о правилах российского стихотворства».[15]

В дальнейшем вопросы сравнительной лингвистики постоянно занимали русского ученого. Это подтверждают многочисленные маргиналии Ломоносова на изученных им книгах, часто содержащие перевод какого-либо слова или даже целой фразы на латинский язык, знатоком которого он себя почитал. Эти переводы нужны были Ломоносову для определения точного значения употребленного в тексте русского слова. Такой подход характерен для Ломоносова и при чтении богослужебных книг, и памятников древнерусской письменности, содержащих слова устаревшие и малопонятные. Основным методом работы Ломоносова над источниками были, правда, без указания, откуда был взят текст, выписки. На их существование указывает публикация в т. 7 академического

---

[10] *Пекарский П. П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С.299.

[11] *Тредиаковский В. К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. СПб., Акад. Наук, 1735.

[12] *Коровин Г. М.* Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 305. Экземпляр книги Тредиаковского с пометами Ломоносова хранится в Архиве Академии наук. (ПФА РАН, ф. 20, оп. 2, № 3).

[13] *Ломоносов М. В*. Российская грамматика. СПб., Акад. Наук, 1755.

[14] *Gottsched J. Ch.* Versuch einer chritischen Dichtkunst für Deutschen. Leipzig, 1737.

[15] *Ломоносов М. В.* Собрание сочинений… Т. VII. С. 7–18; *Данько Е. Я*. Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век. Сб. 2. М.; Л., 1940. С. 265–275; *Коровин Г. М*. Библиотека Ломоносова : Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л., 1961. С. 307. О влиянии творчества Готтшеда на поэзию Ломоносова см.: *Алексеева Н.Ю*. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 162–164.

издания его трудов, озаглавленная издателями как «Материалы к Российской грамматике».[16]

Кроме лингвистики и филологии Ломоносова в 40–60-х гг. XVIII в. увлекали проблемы исторические, связанные с возникновением государственности на Руси. Первым важным этапом в подходе к этой теме явилось для него участие в критическом разборе представленного для публикации в Академии наук сочинения историка-самоучки П. Н. Крекшина «Родословие великих князей, царей и императоров всероссийских»,[17] на которую Г. Ф. Миллер написал разгромную рецензию. В комиссию по определению достоверности сочинения Крекшина и справедливости о ней мнения, высказанного Г. Ф. Миллером, вошли М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский и Ф. Г. Штрубе де Пирмон.[18] Пожалуй, это был единственный случай, когда мнения Миллера и Ломоносова совпали.

Одним из первых опытов собственного исторического сочинения для Ломоносова явилось написанное в 1749 г. по просьбе В. Н. Татищева предисловие к предполагаемому изданию в Академии наук его 1-го тома «Российской истории». Это издание никогда не было осуществлено. Но предисловие так понравилось Татищеву, что он вместе с оплатой этого труда подарил его автору «Октоих», который в дальнейшем неоднократно внимательно прочитывался Ломоносовым.[19]

С конца 40-х гг. XVIII в. Ломоносов много внимания уделяет изучению рукописных и печатных исторических материалов, как русских, так и зарубежных. Поводом к их прочтению явилась возникшая в историческом собрании Академии наук полемика по поводу парадной речи Г. Ф. Миллера «Происхождение народа и имени российского», написанной к торжественному заседанию Академии 6 сентября 1749 г., посвященному празднованию тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны.

К моменту обсуждения диссертации Миллера взаимоотношения между двумя академиками, проявлявшими наибольший интерес к начальному периоду русской истории, оставляли желать лучшего. В течение многих лет неизменно постулаты одного тотчас же вызывали возражения другого. И это был не просто научный диспут для разрешения спорных вопросов – оба они стояли на противоположных точках зрения по поводу происхождения русского народа и государственности на Руси и значения для решения этой проблемы русских рукописных исторических материалов, в частности русских летописей. Споры вызывались и толкованием упоминаний о народах, населявших юго-восточную часть Европы, в сочинениях древнегреческих и древнеримских историков. Особенно горячими эти споры были в отношении тех народов, которые Ломоносов почитал предками славян, а Миллер рассматривал их самоназвания исключительно как близкие по написанию к именам славянским.

Диссертация, предъявленная Миллером историческому собранию Академии наук, вызвала не только многочисленные теоретические споры среди его участников, но и повлекла за собой серьезные обвинения автора в фальсификации начального периода русской истории, неуважительном отношении к русскому народу и его традициям, попытке дискредитировать православные церковные догматы.

Особенно серьезные возражения сочинение Миллера вызвало у трех профессоров, членов Исторического собрания Академии наук, – у М. В. Ломоносова, С. П. Крашенинникова и Н. И. Попова. Самой жесткой критике подвергся постулат Миллера о национальности первых князей, приглашенных на Русь. Он полагал, что государство на Руси возникло только после призвания в Новгородскую землю иноземцев, по

---

[16] *Ломоносов М. В.* Собрание сочинений… Т. VII. С. 595–760.
[17] *Крекшин П. Н.* Родословие великих князей, царей и императоров всероссийских. (Рукопись).
[18] *Пекарский П. П.* История имп. Академии наук. СПб., 1873. Т. 2. С. 361.
[19] Экземпляр, принадлежавший Ломоносову, в настоящее время хранится в отделе редкой книги БАН (см.: Ломоносов/48).

происхождению древних скандинавов, они же варяги. Иными словами, Миллер считал, что и само название «Русь» как государственного образования появилось в связи с прибытием из-за моря скандинавов, именовавших себя «варяги–русь». Профессора Академии наук придерживались иной точки зрения. Они не отрицали того, что первыми известными по летописям правителями на Руси были варяги, но их происхождение из Скандинавии вызвало многочисленные возражения. Академики и, прежде всего, Ломоносов полагали, что это был народ, обитавший на южном побережье Балтийского (Варяжского) моря, славянского происхождения, приглашенные же в Новгородскую землю правители являлись представителями одного из славянских племен, называвших себя «варяги-русь». Ломоносов полагал, что именно это наименование и свидетельствовало о славянском происхождении призванных правителей.

Таким образом, уже на первом заседании Исторического собрания, посвященном разбору парадной речи Миллера, возникли два направления в определении происхождения государственности на Руси, в дальнейшем получившие наименование как норманнская и антинорманнская теории.

Второй постулат диссертации Миллера, также вызвавший многочисленные замечания Ломоносова, касался начального периода Русской истории. Ломоносов относил возникновение славянских племен к древнейшим временам, сведения о которых сохранились только в сочинениях греческих и римских историков. Речь шла о том, можно ли считать роксоланов предками славян, в частности руссов. В этом вопросе спор Миллера с Ломоносовым перерос в чисто лингвистические дебаты. Миллер полагал, что превращение сочетания звуков «кс» в «сс» невозможно. Ломоносов же считал, основываясь на грамматике русского языка, такую замену вполне вероятной.

Третье возражение Ломоносова касалось не столько теоретических вопросов, сколько этических. Для Миллера выступление в торжественном собрании Академии наук было поводом блеснуть своей эрудицией. При этом была нарушена чистота жанра. Торжественные речи, адресованные членам императорской фамилии, в данном случае самой императрице, должны были носить характер панегирика, в котором не положено было касаться неприятной тематики даже в том случае, если она относилась к таким действительным историческим событиям, как многочисленные распри между русскими князьями, особенно в X–XI вв. Ломоносов полагал, что ряд достаточно нелестных выражений Миллера относительно славян и руссов в парадной речи, адресованной императрице Елизавете Петровне, просто недопустим.

Последнее замечание Ломоносова касалось нерушимости церковных догматов, в частности возможности посещения южной Руси апостолом Андреем Первозванным, что уже само по себе являлось покушением на устои Российского государства; оно сыграло решающую роль в запрещении диссертации и последующем ее уничтожении.

Общее число замечаний Ломоносова достигало более 75. Они не были равноценными по содержанию, но их оказалось достаточно для того, чтобы советник канцелярии Академии наук, замещавший в то время находящегося в Москве президента К. Г. Разумовского, И. Д. Шумахер отправил ему донесение в Москву с просьбой отменить торжественное собрание 6 сентября 1749 г. из-за возникших по поводу торжественной речи многочисленных разногласий. Он просил перенести собрание на другое время. Предложение это было принято.

Результатом многочисленных возражений академиков явилось решение канцелярии Академии наук еще раз серьезно изучить речь Миллера, дабы проверить, действительно ли она содержит все недочеты, указанные в замечаниях. Канцелярия распорядилась: «Понеже сочиненную господином профессором и историографом и ректором универзитета Миллером речь, которая им имела бы быть говорена в публичном собрании сего сентября 6 числа; однако оное собрание совсем отменено до

воспоследующаго о том впредь определения, определено: оную речь господам профессорам Фишеру, Ломоносову, Штрубу, Тредиаковскому и адъюнктам Попову и Крашенинникову как наискоряе освидетельствовать, не сыщется ль в оной чего для России предосудительнаго, и по свидетельстве, объявить им о том свои мнения письменно в канцелярию, о чем к ним послать указы»[20].

Распоряжение было подписано академическим советником И. Д. Шумахером и секретарем П. Ханиным. Оно и послужило продолжением полемики уже в 1750 г. главным образом между М. В. Ломоносовым и Г. Ф. Миллером. Н. И. Попов и С. П. Крашенинников также оставили свои замечания, в общем и целом перекликающиеся с возражениями Ломоносова, и только И. Е. Фишер и В. К. Тредиаковский не нашли в диссертации ничего предосудительного.

Свидетельством серьезного подхода Ломоносова к теме, предлагаемой для обсуждения, служили не только подписанные им многочисленные документы, относящиеся к этой полемике и хранящиеся ныне в Архиве Академии наук,[21] но и пометы Ломоносова на сохранившемся экземпляре речи Миллера в отделе редкой книги БАН, а также разметка текста диссертации по тем пунктам, которые вызывали его возражение и были указаны в тексте замечаний, написанных в 1750 г.[22]

Все указанные ранее возражения Ломоносова с подробной аргументацией были усилены в тексте новых замечаний. Начиная с первой страницы диссертации, где говорится о древнем происхождении славян, главным образом о значении имени «роксоланы», возражения Ломоносова принимают полемический характер. В результате повторного изучения диссертации Миллера она, главным образом, из-за отрицательного отзыва Ломоносова, считавшего ее противоречащей историческим фактам и религиозным догматам православной церкви, отрицающей посещение Андреем Первозванным территории Руси, была признана не только не подходящей для торжественного собрания, но и вредной. Напечатанный к тому времени тираж диссертации на латинском и русском языках подлежал уничтожению, за исключением 12 экземпляров – шести на русском и шести на латинском языках, которые должны были храниться в Академической библиотеке в запертом сундуке у унтер-библиотекаря И. И. Тауберта.[23]

Полемика между Ломоносовым и Миллером, касающаяся вопросов происхождения государственности на Руси, способствовала усилению разработки исторической темы в трудах Ломоносова, последующие годы она становится главной в его исследовательской работе. С 1749 г. и особенно в 50–60-е годы XVIII в. изучение русских рукописных материалов, в частности сравнительный анализ сведений, содержащихся в русских летописях, хранившихся в то время в Академической библиотеке, становится главным предметом его исследований.

На первое место Ломоносов выдвигает изучение Петровской копии Радзивиловской летописи – памятника, содержащего самый древний текст, относящийся к XIII в., тогда как сама рукопись Радзивиловской летописи появилась только в конце XV в. В середине XVIII в. еще не были известны более древние, чем Радзивиловская, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи. Кроме того, Петровский список повторял не только текст, но в нем находились реплики рисунков оригинала, за исключением двух, позволяющие судить о сюжетах описываемых событий. Однако по своему стилю рисунки копии весьма отличаются от подлинных изображений оригинала.

---

[20] Материалы для изучения истории имп. Академии наук. СПб., 1900. Т. X. С. 83.

[21] Материалы этой полемики опубликованы: Ломоносов М. В. Собрание сочинений. М., 1952. Т. VI. С. 44–59

[22] *Миллер Г. Ф.* Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749.

[23] Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. X. С. 553–555.

В течение долгого времени Петровская копия Радзивиловской летописи привлекала внимание русских историков. И первым, кто обратил на нее внимание, был В. Н. Татищев, который при содействии Я. В. Брюса смог познакомиться с ней уже в то время, когда она хранилась в библиотеке Петра Великого, куда, по сведениям В. Н. Татищева, она поступила в 1716 г.[24] После передачи летописи в Академическую библиотеку в 1728 г. она также изучалась и, прежде всего, профессором по классу истории Г. Ф. Миллером, который в начале 30–х гг. XVIII в. опубликовал на немецком языке ее фрагменты в своем историческом журнале.[25]

Серьезно заниматься проблемами русской истории для сочинения «Древней российской истории» Ломоносов начал около 1751 г. Именно в этом году Ломоносов впервые упоминает об изучении Петровского списка Радзивиловской летописи под именем «Нестора». И впоследствии эта летопись почти всегда называется им «Нестор».[26]

Эти сведения находятся в отчете о его научных занятиях за 1751–1753 гг., поданном в Академическую конференцию: «В истории: читал книги для собрания материй к сочинению “Российской истории”: Нестора, законы Ярославли, большой Летописец, Татищева первый том, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные эксцерпты или выписки и примечания, всех числом 653 статьи на 15 листах».[27]

В следующем 1752 г. он «…для собрания материалов к “Российской истории” читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла Дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных; эксцерптов нужных на 5 листах в 161 статье»[28]; в 1753 г. «1) записки из сочиненных прежде авторов приводил под статьи числами; 2) читал российские академические летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских».[29]

Таким образом, в то время, когда Миллер в Академической канцелярии ставил вопрос о начале работы над публикацией Радзивиловской летописи по частям в журнале «Ежемесячные сочинения», Ломоносов уже подготовил научную базу для осуществления этого проекта. Об этом свидетельствуют его отчеты начала 50-х гг. XVIII века. Сам он взялся за сочинение своих исторических трудов с единственной целью, чтобы обосновать свою концепцию начальной истории Русского государства. При работе над первой частью «Древней Российской истории» и над «Кратким Российским летописцем» наряду с классическими греческими и латинскими сочинениями Ломоносов постоянно обращался к русским историческим материалам, чаще всего к Петровскому списку Радзивиловской летописи, который находился в его полном распоряжении с 1756 г. и был возвращен в Академию наук, скорее всего, только после его смерти в 1765 г.

Г. Н. Моисеева в своей монографии «Ломоносов и древнерусская литература» отмечает, что Ломоносов принялся за подготовку печатного издания летописи и с этой целью в 1755 г. обратился в Академию наук с просьбой выделить ему в качестве помощника студента Баркова, в котором он заметил способности к подобного рода

---

[24] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. С. 84, 144.
[25] Sammlung Russischer Geschichte. St. Pbg., 1732-1735.
[26] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. С. 79; *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. X. С. 389.
[27] «…так как президент требовал представления отчетов в трехдневный срок, то следует полагать, что Ломоносов написал свой отчет в начале указанного периода, т. е. либо в конце октября, либо в первых числах ноября 1756 г. Пушкин, приведя весь публикуемый документ полностью в одной из своих статей («Путешествие из Москвы в Петербург»), предпосылает ему такие слова: “Ничто не может дать лучшего понятия о Ломоносове, как следующий рапорт”». *Ломоносов М. В.* Собрание сочинений… Т. X. С. 389.
[28] Там же. С. 390.
[29] Там же. С. 390.

работе.[30] Просьба была удовлетворена. Моисеева предполагает, что уже в 1756 г., когда Ломоносов распорядился снять копию с летописи, работа по подготовке рукописи к печати была уже закончена.

Однако материалы, имеющиеся в самой рукописи, свидетельствуют об ином. В своем донесении в Канцелярию Академии наук от 2 мая 1756 г. Барков пишет: «А ныне оной господин советник и профессор приказал мне переписывать набело взятую им из Академической библиотеки книгу, называемую Нестора Печерского летописец, коего уже близ половины мною и переписано, токмо продолжать впредь оную без особливого Канцелярии Академии наук повеления опасаюсь, особливо, имея от оной Канцелярии порученное мне от давнего времени другое дело, а именно Малороссийские права… Того ради Канцелярию Академии наук всепокорно прошу, дабы повелено было в рассуждении многих имеющихся у меня разных дел, а особливо для беспрерывных и крайних повседневных моих трудов, ныне быть мне при Академии по-прежнему… а ежели Канцелярия Академии наук за благо рассудить соизволит оныя господина советника Ломоносова дела впредь мне отправлять, тоб повелено было при Академии ж, а не у него, господина советника, дабы Канцелярии Академии наук об означенных моих трудах всегда известно было».[31]

Таким образом, через некоторое время после его откомандирования к Ломоносову просит о своем возвращении в Академию наук и сообщает, что скопировал около половины Петровской копии. Однако сама летопись свидетельствует о другом. Первые ее 39 листов не содержат никакой карандашной правки за исключением помет Ломоносова и сверки с оригиналом, которая могла быть сделана только после появления оригинала в Академии наук. Если сравнить эти листы без карандашных помет с опубликованным в 1767 г. текстом летописи, можно отметить, что и в начале издания он правлен точно так же, как и весь остальной текст. Напрашивается вывод о том, что Барков, когда писал донесение в Академию наук, скопировал только эти 39 листов летописи. Тем более, он занимался копированием исторических трудов Ломоносова.

Если исходить из текста самой летописи, можно с уверенностью говорить о том, что работа Баркова по копированию летописи не продвинулась дальше 40–го листа. На листах до 39-го карандашная правка полностью отсутствует. Также не отмечены фрагменты, не включенные в публикацию летописи. Таким образом, вопрос о том, было ли закончено копирование Петровского списка Радзивиловской летописи, над которым трудился Барков, остается открытым. Можно предположить, что работа по подготовке первых листов издания была проведена как раз по копии, сделанной Барковым. С 40-го листа начинается карандашная правка орфографии, а иногда пунктуации, а примерно с 100-го листа правка становится все более обильной, к концу же рукописи исправления и отмены этих исправлений не всегда позволяют различить оригинальный текст.

Таким образом, правка Петровской копии Радзивиловской летописи, внесенная как карандашом в начале рукописи, так и коричневыми чернилами по всему ее тексту, принадлежит Ломоносову и является первой по времени возникновения. Это

---

[30] «Ломоносов отправлялся вместе с Брауном для вышепомянутой же цели экзаменовать воспитанников невской семинарии, и после того к нему явился один из них, не попавший на экзамен по воле своего начальства, но очень хотевший быть академическим студентом. “И по его желанию говорил я, писал Ломоносов в академическую канцелярию, с ним по латини и задавал переводить с латинского на российский язык, из чего я усмотрел, что он имеет острое понятие и латинский язык столько знает, что он профессорские лекции разуметь может. При экзамене сказан был он от учителей больным”. Академическая канцелярия вытребовала этого ученика в Академию: это был Иван Барков, оказавшийся даровитейшим из тогдашних студентов. По всем вероятиям, его ожидала громкая известность, когда бы несчастная страсть к вину и распущенная жизнь не погубила этого человека». См.: *Пекарский П. П.* История имп. Академии наук. СПб., 1872. Т. 2. С. 388; *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. С. 157–158.

[31] Цитируется по: Там же. С. 160.

подтверждает и правка карандашом, в ряде случаев нанесенная поверх Ломоносовских помет.

Вторая по времени появления правка красными чернилами явилась результатом сличения текстов оригинала Радзивиловской летописи XV в. с Петровской копией и целиком принадлежит Баркову. Причем исправления коснулись и ошибок переписчика оригинала, и заведомо неверного прочтения отдельных слов.

При работе над Петровской копией Радзивиловской летописи Ломоносов испытывал неудовлетворенность, поскольку одновременно он знакомился с другими летописными и иными древнерусскими историческими сочинениями, хранящимися в Академической библиотеке. Он заметил существующие в них разночтения, а также ошибки, несоответствия и даже лакуны, имеющиеся в тексте Петровской копии. Они могли появиться как при копировании текста в 1713–1716 гг., так и находиться в самом оригинале рукописи Кенигсбергской библиотеки, что оказалось справедливым по отношению к пропускам описания отдельных событий и даже утрате целого листа.

В 50-х гг. XVIII в. не было сведений о том, являются ли эти разночтения результатом неверного прочтения оригинала копиистом Федором Борисовым или же действительно находились в рукописи XV в. Для того, чтобы снять все имеющиеся вопросы, необходима была сверка текста Петровской копии с оригиналом, хранившимся в то время в Радзивиловской библиотеке в г. Кенигсберге. Однако в 1755–1756 гг., когда, как считает Г. Н. Моисеева,[32] работа по подготовке рукописи к печати была закончена, эта задача оказалась невыполнимой, поскольку Россия находилась в состоянии войны с Пруссией. Необходимость сверки, видимо, серьезно затрудняла работу по начатой подготовке летописи к печати, хотя идея об ее издании и подготовительная работа над ней относится к началу 50–х гг., т.е. к тому времени, когда Ломоносов взял ее из Академической библиотеки, но закончена она могла быть только в 60-е гг. XVIII в., когда сверка оригинала и копии стала возможной.

Свидетельством для более поздней датировки окончания работы над рукописью служат многочисленные исправления красными чернилами по оригиналу Радзивиловской летописи, внесенные в текст Петровской копии И. С. Барковым. Работа по сверке оригинала и копии могла начаться не ранее самого конца 50-х гг. М. Н. Мурзанова даже относит появление оригинала Радзивиловской летописи в Академии наук к 1761 г.[33]

Первые сведения о возможности сверки обоих экземпляров относятся к осени 1758 г. Именно к этому времени обстоятельства переменились: в Кенигсберг вошли русские войска, и город присягнул на верность императрице Елизавете Петровне. Возможно, по представлению Ломоносова, 9 октября 1758 года из петербургской Академии наук на высочайшее имя поступило следующее донесение, подписанное ее президентом К. Г. Разумовским: «В Библиотеке вашего императорского величества при Академии наук хранится список с первого Российского летописателя Нестора, которого блаженныя и вечнодостойныя памяти государь император Петр Великий на проезде своем чрез Кенигсберг увидев в тамошней Королевской библиотеке, для себя списать велел. Но понеже Академия для разных усмотренных в том списке писцовых неисправностей сумневается, нет ли и в самых обстоятельствах, особливо в именах и летах, каких прошибок, для российской же истории весьма нужно знать и то, в котором веке оной в Кенигсберге находящей подлинник писан и поколику на верность онаго полагаться можно. Того ради Академия наук сим всенижайше представляет, не соизволит ваше

[32] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. С. 79.

[33] *Мурзанова М. Н.* Первые фонды рукописных книг Академической библиотеки; к истории библиотеки Петра I // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 97.

императорское величество указать, чтоб помянутой манускрипт прислан был сюда из Кенигсберга на малое время для рассмотрения и сличения с имеющейся в Библиотеке вашего императорского величества копиею. А хранится он в Библиотеке, которая в королевском замке и по объявлению определенного при оной Библиотеке прусского надворного советника Горейского состоит в каталоге манускриптов Радзивиловой Библиотеки. И дабы вместо требуемой книги не прислано было другой, то при сем прилагается список с первой страницы Несторова летописца».[34]

Это донесение является одним из ранних свидетельств того, что в Академии наук очень серьезно подходили к подготовке издания Радзивиловской летописи по Петровской копии. В середине второй половины XVIII в. другие летописные списки, содержащие более древние тексты, были неизвестны. Видимо, в первоначальный план входило сохранение в издании подлинного текста хранившегося в Кенигсберге оригинала рукописи конца XV в. Поэтому для Академии наук было совершенно необходимо получить возможность для сличения обоих экземпляров. Этим и объяснялось старание получить оригинал рукописи для ее сверки с Петровской копией.

Таким образом, вопрос об издании Радзивиловской летописи в Академии мог возникнуть никак не раньше конца 1758 г. Необходимая работа по сверке могла начаться только после получения рукописи, что произошло, скорее всего, уже в 1759–1760 гг. Вопрос о сроках доставки оригинала Радзивиловской летописи в Петербург и его передаче в Академию наук является чрезвычайно важным для определения начала и окончания работы над подготовкой летописи к печати. Правка Баркова красными чернилами, являющаяся первоначальной по отношению к внесенной им же обильной карандашной правке в тексте Петровской копии, также свидетельствует о том, что эта его вторая правка могла появиться только после сравнения копии и оригинала, что, возможно, было только после 1761 г. О более раннем возникновении правки красными чернилами свидетельствуют также ее отмены в тексте летописи, сделанные карандашом.

По получении Радзивиловской летописи из Кенигсберга ее отослали для сверки в Академию наук, где она и сохраняется до настоящего времени. Ломоносов поручил сверку своему помощнику И. С. Баркову, что и было им выполнено с большим старанием. Во всей Петровской копии встречаются его исправления, сделанные красными чернилами. Однако нужно отдать должное копиисту Федору Борисову: кроме явных описок и неправильного прочтения некоторых слов серьезных различий в текстах оригинала и копии не имеется. Незначительные пропуски были замечены самим копиистом и вставлены в текст рукописи. Федор Борисов был настолько точен в своей работе, что даже сохранил отсутствующие в оригинале заглавные буквы в словах, начинающих новые «абзацы» или в начале имен. Их, видимо, предполагалось вписать в оригинал, что было исполнено только частично. При подготовке рукописи к печати Барков красными чернилами, а в ряде случаев и Ломоносов коричневыми чернилами вставляли эти заглавные буквы. Впоследствии они в большинстве были скопированы карандашом. [35]

Следует заметить, что количество листов оригинала Радзивиловской летописи и ее копии не совпадает. В оригинале – 251 л. и 618 миниатюр, в копии – 311 л. и 610 миниатюр.[36] Видимо, курсивный почерк Федора Борисова был более размашистым, чем полуустав рукописи XV в. Несовпадение количества листов сказалось и на том, что ряд скопированных миниатюр расположен не там, где находится относящийся к ним текст.

---

[34] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. С. 200; ПФА РАН, ф. 3, оп. 8, № 83, л. 1–1 об.

[35] ОР БАН, П. I № 77. Исправления коричневыми чернилами, также как и лингвистические замечания Ломоносова, встречаются на целом ряде страниц Летописи и даже в приложении, которое в печатное издание включено не было и поэтому карандашной правки оно не имеет. Интересно, что все действительные пометы Ломоносова в монографии Моисеевой учтены не были.

[36] В заверке рукописи указано 613 миниатюр, но для двух последних оставлено место.

Таким образом, вывод Г. Н. Моисеевой о полной подготовке рукописи Петровской копии Ломоносовым к 1756 г. не может быть принят. Серьезная работа по подготовке рукописи к печати началась только после сверки оригинала и копии.

Третья, карандашная, правка вносится в текст Петровской копии примерно с сотой страницы. Ее количество к концу летописи становится огромным. Это объясняется, видимо, интенсификацией работы по подготовке текста к печати, которая могла начаться только после возвращения рукописи в Академическую библиотеку или после смерти Ломоносова в 1765 г.

Эти исправления встречаются по всему тексту рукописи и в приложениях, от которых при публикации в 1767 г. отказались как не имеющих отношения к летописному тексту. Исключены из издания летописи «Сказание Данила игумена смиренаго иже походи ногама своима и очима виде», «Слово святаго Дорофея епископа Турьскаго о святых 12 апостол», «Слово святаго Епифания, сказание о пророцех», которые приписываются монаху книгописцу Кирилло-Белозерского монастыря Ефросину.[37] Но на этих исключенных фрагментах имеются пометы Ломоносова, что свидетельствует о его внимании не только к летописным текстам, но и к сюжетам, оказавшимся неинтересными непосредственным публикаторам «Нестора» И. И. Тауберту и, возможно, И. С. Баркову.

Пометы в тексте рукописи позволяют судить о требованиях, предъявляемых издателями к тексту памятника.

1. Прежде всего, это замена орфографии XV в. на орфографию середины XVIII в. Видимо, это правило становится непреложным для публикации всех исторических сочинений второй половины XVIII в., когда труды авторов даже Петровского времени подвергались правке в соответствии с грамматическими нормами этого времени (ср. издание проповедей Гавриила Бужинского, «Историю» Феофана Прокоповича и др.).

2. Толкование устаревших и малоизвестных слов, приводимое в скобках при сохраненном термине оригинала, а иногда и их замену на понятные термины.

3. Исправление ошибок и толкование неясностей в тексте с помощью других летописных или исторических памятников, в данном случае хранившихся в Академической библиотеке.

4. Дополнение текста по тем же рукописям и по тем вариантам «Истории Российской» В. Н. Татищева, которые уже находились в Академической библиотеке. В настоящее время обнаружен еще один из списков «Истории Российской», который находился в личной библиотеке Ломоносова.[38]

5. Исключение фрагментов, признанных не важными для предполагаемой публикации, т. е. тех частей Радзивиловской летописи, которые касались главным образом церковной истории Русского государства.

Сокращению подверглось все, что касалось библейской истории, рассуждений, относящихся к событиям истории церкви на Руси, основанию монастырей. В публикацию не вошли страницы, посвященные происхождению славянской письменности, которые вызывали большой интерес у Ломоносова. Было исключено из издания также все, что касалось личных оценок событий летописца Нестора и его продолжателя Сильвестра, а также имеющиеся в рукописи факты биографии Нестора, изложенные им самим. Интересно отметить, что все многочисленные отступления, свидетельствующие о

---

[37] *Кукушкина М. В.* К вопросу о месте происхождения Радзивиловской летописи в списке XV в. // Радзивиловская летопись. М.; Л., 1994. Т. II. С. 381; *Каган М. Д., Лурье Я. С.* Ефросин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2: (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К. С. 227–236.

[38] *Кукушкина М. В., Лебедева И. Н.* Книги из библиотеки М. В. Ломоносова (дар университетской библиотеки в Хельсинки) // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 337–339.

божественном вмешательстве в мирские дела, сообщения о чудесах и даже астрономические наблюдения также не были включены.

Итак, непосредственную работу по внесению редакторской правки в текст Радзивиловской летописи выполняли Барков и, возможно, Тауберт, хотя его участие в подготовке издания заключалось, скорее всего, в том, что оно было напечатано во второй Академической типографии, которую курировал Тауберт.

Однако вызывает серьезные сомнения то, что летопись была подготовлена к изданию в конце 50 – начале 60–х гг. XVIII в. Начало ее печатания относится к 1761–1762 гг., но тогда были отпечатаны первые 15 листов правленой рукописи. Затем ее печатание было приостановлено до 1765 г. В. П. Степанов полагает, что к этому году рукопись была полностью напечатана,[39] но можно предположить, что именно в этом году возобновилась работа над изданием летописи.

В своих отчетах за 1751–1756 гг. Ломоносов неоднократно упоминает о выписках по русской истории, сделанных им из летописцев, хранящихся в Академической библиотеке, поэтому, имея эти выписки, обращаться к оригиналам было уже необязательно. Несмотря на то, что все Ломоносовские выписки пропали, многие из них можно восстановить на основании его отчеркиваний и подчеркиваний текстов, имевших для него большое значение. Однако, имея значительную подборку выписок из русских исторических источников, текстовые исправления в Петровский список Радзивиловской летописи Ломоносов сам не вносил. Таким образом, напрашивается вывод о том, что участие Ломоносова в подготовке первого издания Радзивиловской летописи заключается не в правке рукописного текста и внесения в него исправлений, а в том, что в основу дополнений был положен собранный им исключительно важный материал, о котором он сообщал в своих отчетах Академии наук.

Г. Н. Моисеева убедительно доказала с помощью почерковедческой экспертизы, что все подобные дополнения внесены рукой Баркова, который по поручению Ломоносова выполнял в то время всю техническую работу по подготовке рукописей академика к печати.[40] В обязанности Баркова входило копирование трудов Ломоносова, проверка текстов, он же вносил почти все карандашные исправления и дополнения в Петровскую копию Радзивиловской летописи для ее издания в 1767 г.

Настоящая публикация рукописи не является очередным переизданием текста Петровской копии Радзивиловской летописи. Главное внимание здесь уделяется именно пометам и различным исправлениям и дополнениям. Поэтому и сам текст передается с делением на абзацы, которого нет в оригинале. Материал расположен в два столбца: левый представляет собой текст рукописи с отметками об исправлении и дополнениями; правый – непосредственно связан с исправлениями и дополнениями и содержит только те слова или фрагменты фраз, которые подверглись исправлению, а также дополнения и уточнения, поставленные в оригинале на полях. Причем каждое дополнение подкрепляется ссылкой на место этого дополнения в оригинале: «карандашная вставка на… поле», «дополнения, вписанные Барковым» и т. д., все отметки сделаны максимально приближенными к оригиналу. Правка красными чернилами передается красным цветом; карандашная правка – жирным шрифтом как в тексте самой рукописи; пометы Ломоносова – коричневым цветом. Только вместо круглых скобок используется отчеркивания на левом поле текста летописи. Удаленный из издания текст передан

[39] *Степанов В. П.* Барков (Борков) И. С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А-И). Л., 1988. С. 59.

[40] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. С. 157.

курсивом и также отмечен отчеркиваниями. Для вставки дополнений по тексту летописи использованы следующие обозначения карандашных вставок: ↑, ╒, ╗,], ╔, ╒, ╘, ╕, ╖, ╛, ╙,–|–,◌̆[41], ╨, **, _|_, |_, ╩, ╚ (знаки вставок фрагментов текста), /– (знак разделения слитно написанных слов), |_§_ – знак абзаца. ====== – одна или две черты на полях – обозначение начала абзацев в издании 1767 г.

В заключение выражаю свою искреннюю благодарность сотрудникам Библиотеки Академии наук, которые своей помощью и поддержкой сделали возможным выход в свет этой книги. Это, прежде всего, зам. директора по научной работе БАН И. М. Беляева, которая предоставила возможность работать с текстом рукописи в течение почти двух лет, научный сотрудник отдела рукописей БАН А. Г. Сергеев и фотограф БАН А. М. Мелентьев, сотрудники отдела рукописей А. Е. Корначев и Н. А. Ефимова, старший научный сотрудник отдела редкой книги А. А. Романова, и многие другие, без помощи которых это издание было бы невозможным.

Считаю своим долгом посвятить эту работу памяти историка-архивиста научного сотрудника Архива Ленинградского отделения института истории АН СССР Зое Николаевне Савельевой (1910–1976), которой 25 декабря 2010 сего года исполняется сто лет. Ее имя широко известно историкам и филологам, занимавшихся древними русскими рукописями. Ей принадлежит подготовка текстов таких важнейших исторических памятников, какими являются «История Российская» В. Н. Татищева, Холмогорская летопись, Двинской летописец. Она участвовала в создании картотеки древнерусского языка, положенной в основу академического издания словаря русского языка XI–XVII в.

Е. А. Савельева

[41] Один из значков, обозначающих вставку.